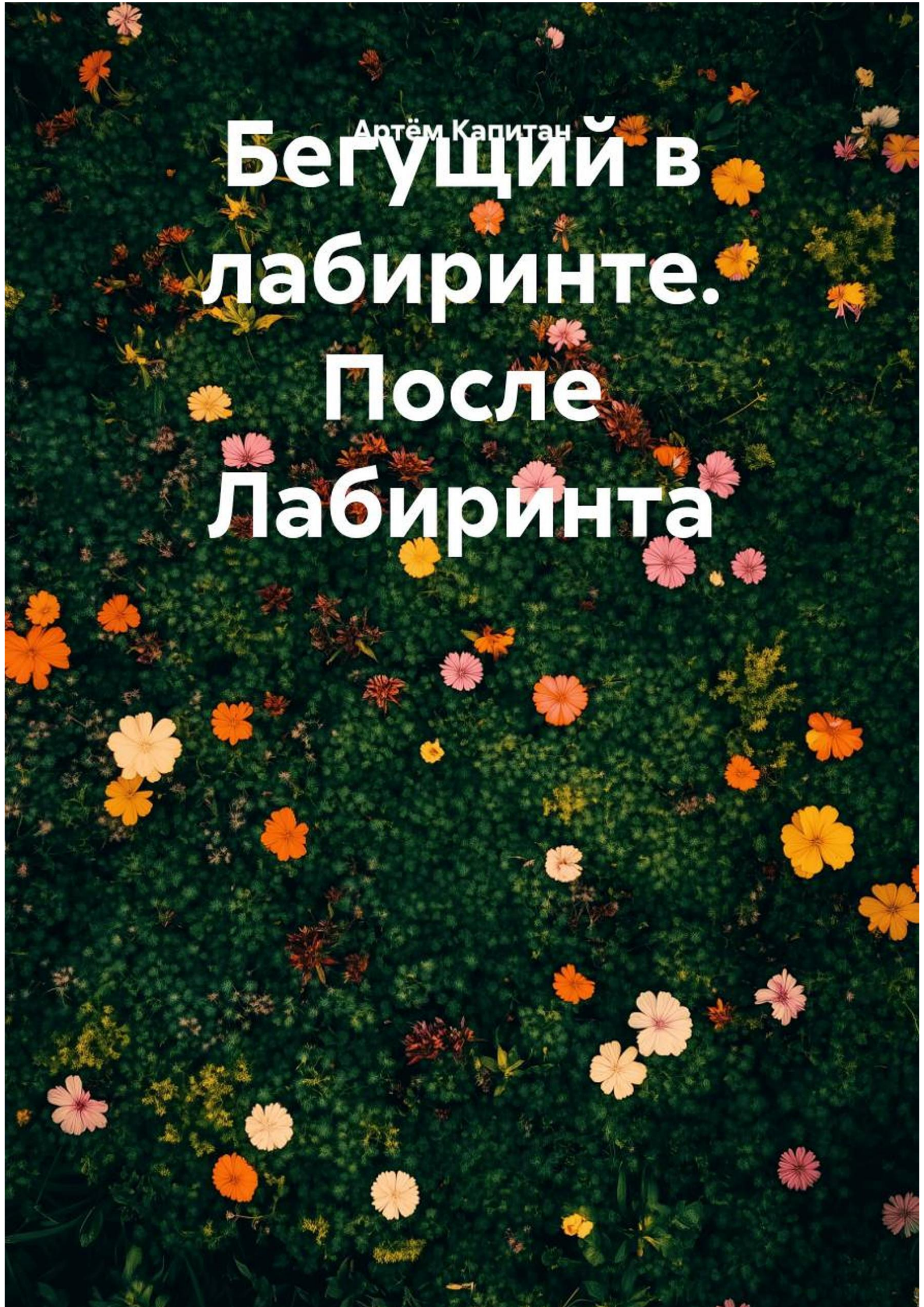

Артём Капитан

Бегущий в лабиринте. После Лабиринта

Артём Капитан

**Бегущий в лабиринте.
После Лабиринта**

«Автор»

2026

Капитан А.

Бегущий в лабиринте. После Лабиринта / А. Капитан — «Автор»,
2026

После падения Лабиринта все уцелевшие глейдеры нашли убежище в заброшенных катакомбах. Оглушённого взрывом Ньюта нашли спасатели и отправили в военный госпиталь..

© Капитан А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стальные объятия прошлого	5
Глава 2. Танцующие тени под скальпелем	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Бегущий в лабиринте. После Лабиринта

Глава 1. Стальные объятия прошлого

Сквозь пелену боли Томас разглядел лицо — собственное, только перекроенное шрамами, словно кто-то провёл ножом по зеркалу времени. Воздух в палате спёртый, пахнет антисептиком и страхом, как в морге перед вскрытием.

— Отпусти меня, твою мать! — рванулся Томас, но ремни только глубже впились в запястья, оставляя багровые следы, будто клеймо.

Митч не оборачиваясь, перебирал инструменты на стальном столе — скальпели поблёскивали в тусклом свете, как зубы акулы. Он взял шприц, щёлкнул пальцем по колбе, выгоняя пузырьки воздуха.

— Глейдеры, Томас. Я не шучу. — Голос его сочился ледяной вежливостью, как сироп по ножу. — Где они? Минхо, Ньют, Бренда?

Томас сплюнул кровь на белую простыню — красное пятно расплзлось медленно, будто цветок, набирающий силу.

— Да пошёл ты.

Митч вздохнул — театрально, с оттенком разочарования, как учитель, глядящий на безнадёжного ученика. Он приблизился, перчатка скользнула по щеке Томаса, оставляя холодный след.

— Ты думаешь, я хочу делать больно? Зря. Я хочу, чтобы ты понял: добровольное сотрудничество — это роскошь, а роскошь здесь — я.

Шприц поднялся, игла поймала свет лампы, и на миг Томасу показалось, что в ней плещется чистый огонь.

— Последний раз спрашиваю: где Ньют?

Томас молчал. В голове билась только одна мысль: «Я не сломаюсь. Я не предаю. Даже если он вырежет мне сердце».

Митч улыбнулся — так улыбается палач, когда жертва оказывается достаточно стойкой, чтобы игра была интересной.

— Ну что ж, Томас. Ты выбрал путь... — Игла вошла в вену, и мир поплыл тёплой маслянистой дымкой, а последним, что услышал Томас, был голос, вплетающийся в забытие:

— Мы встретились слишком поздно, чтобы я был добрым. Но слишком рано, чтобы ты умер.

Глава 2. Танцующие тени под скальпелем

Сознание возвращалось толчками — как электроды к мёртвому сердцу, заставляя его биться вновь. Томас открыл глаза и понял, что висит. Ремни держали не на кровати — его подвесили к потолку за запястья, и плечи горели огнём, будто в суставы насыпали битого стекла. — Очнулся? — Голос Митча долетал откуда-то слева, приглушённый, деловой. — Отлично. Первая доза была — разминка. Анестезия уходит, нервные окончания просыпаются... как дети после зимней спячки. Томас повернул голову. Митч сидел за столом в углу, перелистывая бумаги с каким-то графиками. На стене за ним висели фотографии — лица, лица, лица. Томас узнал Минхо на одном снимке: глаза затравленные, на скуле синяк размером с кулак. — Где ты их взял? — хрипло выдохнул Томас. Митч поднял взгляд поверх очков для чтения. — А, это. — Он махнул рукой в сторону стены. — Старые архивы. Знаешь, ПОРОК любил документацию. Фото, видео, анализы крови, ДНК-профили... каждый глейдер занесён в каталог, как экспонат в музее уродства. Он встал, неспешно приблизился. В руке — не шприц, а что-то длинное, блестящее. Зонд. Томас невольно дёрнулся, и ремни скрипнули, как старые корабельные снасти под напором шторма. — Я читал твоё дело, Томас. — Митч остановился в полуметре, крутя инструмент в пальцах. — Интересный ты экземпляр. Созданный как курьер, а ставший лидером. Умный, быстрый, верный. — Он усмехнулся, и улыбка его напоминала трещину во льду. — Верность — это красиво, пока не становится причиной твоей гибели. — Ты не убьёшь меня, — выдавил Томас. — Ты хочешь знать, где Ньют. Если убьёшь — не узнаешь. Митч замер. Секунду смотрел на Томаса с выражением, которое можно было назвать уважением, если бы не холод в глубине зрачков. — Умно. Но ты ошибаешься в одном, Томас. Я не хочу знать, где Ньют. Я хочу, чтобы ты сам привёл меня к нему. А для этого мне не нужен целый Томас. Мне нужен Томас, который будет видеть его лицо во сне, слышать его голос в тишине и ползти к нему по битому стеклу, лишь бы прекратить агонию. Зонд коснулся ключицы. Металл был холодным — настолько, что Томас ощутил его как ледяной поцелуй через кожу. — Знаешь, что самое страшное в боли? — Митч говорил почти ласково, как отец, укладывающий ребёнка спать. — Она не запоминается. Мозг вытесняет воспоминания о ней, потому что иначе мы не смогли бы жить. Но страх — страх остаётся. И я сделаю так, что ты будешь бояться не боли. Ты будешь бояться тишины, в которой нет крика Ньюта. Вспышка. Томас не помнил, как закричал. Просто осознал, что голоса больше нет — только вой, вырывающийся из горла, и звон в ушах, похожий на колокольный набат. Когда пелена слегка рассеялась, Митч стоял над ним, вытирая зонд белой тряпкой. На тряпке оставались алые мазки, похожие на росчерки кисти художника, пишущего кровавый пейзаж. — Первый контакт, — сказал Митч буднично. — Осталось девять. Или девятнадцать. Или девяносто. Смотри как быстро ты научишься говорить. Томас сжал зубы так, что на деснах выступила кровь — солёная, металлическая, как поцелуй ржавого гвоздя. — Иди в жопу. Митч рассмеялся. Смех был сухой, как шелест гербария, как скрип половиц в заброшенном доме. — О, я уже там, Томас. Я там уже много лет. Вопрос в том — готов ли ты присоединиться ко мне? Он отвернулся, направился к столу, но на полпути остановился, словно вспомнив что-то важное. — Кстати. Я не сказал главного. — Он обернулся через плечо. — Ньют ищет тебя. Он уже вышел на мой след. Через два дня, максимум три, он будет здесь. Томас замер. Сердце пропустило удар, а потом забилось с такой силой, что рёбра, казалось, треснут. — И когда он придёт, — Митч улыбнулся, и улыбка эта была как лезвие, разрезающее реальность, — я хочу, чтобы ты был здесь. Живой. Сломанный. Чтобы он увидел, что сделало с тобой время, и понял: спасти некого. Есть только труп, который ещё дышит по недоразумению. Свет в конце иглы. Томас закрыл глаза. В темноте под веками возникло лицо Ньюта — такое, каким он запомнил его в последний раз: уставшее, но тёплое, с лёгкой хромотой в походке и глазами, способными видеть надежду там, где её не было. «Я не дам ему сломать

меня, — думал Томас, сжимая кулаки, хотя ремни впивались до крови. — Я не стану его оружием. Я не стану бомбой, которая взорвётся в лицо Ньюту». Митч вернулся. В руке — новый шприц, жидкость в котором была не прозрачной, а мутно-зелёной, как болотная вода. — Это не больно, — сказал он, почти участливо. — Это хуже. Это сделает тебя послушным. Ты будешь говорить, плакать и молить о пощаде, и при этом не сможешь остановиться. Он приставил иглу к шее Томаса, и Томас почувствовал, как холод металла входит под кожу, как жидкость растекается по вене — липкая, тёплая, как расплавленный воск. — Прощай, Томас, — прошептал Митч почти в самое ухо. — Или точнее — до встречи в аду. Томас хотел ответить, но язык стал тяжёлым, а мысли — медленными и вязкими, как мёд в мороз. Он чувствовал, как растворяется граница между собой и миром, как реальность становится зыбкой, как отражение в разбитом зеркале. И в этой зыбкости, на грани между явью и беспмятством, он услышал голос. Тихий, далёкий, но такой родной: — Томас. Томас, ты слышишь меня? Держись. Я иду. Ньют.

Томас попытался ответить, но из горла вырвался только хриплый всхлип — и тьма накрыла его с головой, как океанская волна, уносящая в бездну.

Глава 2. Стекланный шепот в разорванных венах

Тьма была не пустой — она пульсировала. Томас плыл в ней, как утопленник в чернильной реке, и каждый толчок сердца отдавался эхом в позвоночнике, будто кто-то играл на его костях, как на ксилофоне. Голос Ньюта застрял в ушах иглой — «Я иду» — и эти два слова врастали в мозг шипами, пробивали череп изнутри, заставляя видеть свет там, где его быть не могло. Он очнулся от запаха. Резкого, химического, сладковатого — формалин пополам с гнилью. Томас открыл глаза и понял, что лежит на холодном металлическом столе. Ремни сменились на более тонкие, пластиковые — они впивались в запястья и лодыжки, оставляя синие полосы, похожие на предсмертные татуировки. — Седьмая минута после инъекции, — раздался голос Митча из динамика. — Отличный показатель. Твоя нервная система — как у лошади: сильная, выносливая, тупая. Томас повернул голову. Комната была белой — стерильно-белой, как операционная, как морг, как сон человека, который боится чистоты. Над столом висела лампа, и свет её был настолько ярким, что глаза слезились, а тени под предметами казались провалами в другую реальность. — Где ты, — выдохнул Томас. Голос звучал чужим — хриплым, надтреснутым, как пластинка, которую прокрутили слишком много раз. — Я везде. — Митч появился в дверях, и в руках у него был поднос. На подносе — скальпели, иглы, пинцеты, что-то, напоминающее зубо-врачебный бор. Инструменты лежали ровными рядами, как солдаты перед битвой, и каждый блестел под лампой, обещая боль. — А ты — в центре моей вселенной. Как чёрная дыра, Томас. Ты притягиваешь всё, к чему я прикасаюсь. Он поставил поднос на тумбу, взял скальпель — тонкий, почти прозрачный, как крыло стрекозы — и подошёл ближе. — Ты слышал его? — спросил Митч, наклоняясь. Глаза его были близко — серые, как зимнее небо, с трещинками капилляров, похожими на трещины во льду. — Ньюта. Я знаю, что слышал. Я дал тебе дозу, которая открывает слух на нужные частоты. Ты слышал его голос, но он был записью. Трёхдневной давности. Томас дёрнулся. Ремни скрипнули — пластик впился в кожу до крови, и Томас почувствовал, как тёплая струйка стекает по запястью к локтю, капает на пол — кап-кап-кап, как метроном, отсчитывающий секунды до конца. — Запись? — прошептал он. — Запись, — подтвердил Митч и коснулся скальпелем ключицы Томаса. Металл был холодным — настолько, что казалось, он оставляет ожог. — Я хотел, чтобы ты поверил в чудо. А потом — чтобы чудо разбилось. Потому что самые сломанные люди — это те, кто поверил в спасение и увидел, что его нет. Скальпель вошёл в кожу — не глубоко, на миллиметр, но Томас почувствовал это всем телом, как удар током. Боль была не иглой — она была волной, которая поднималась от ключицы к шее, к затылку, к глазам, заставляя видеть искры. — Ты врешь, — выдохнул Томас. — Он идёт. Я знаю. — Знаешь? — Митч рассмеялся — сухо, как шелест бумаги, как шорох песка в песочных часах. — Откуда? У тебя нет доказательств. У тебя есть только надежда. А надежда, Томас, — это самый жестокий наркотик. Она лечит, а

потом ломает позвоночник. Он вытащил скальпель, и Томас почувствовал, как кровь начинает сочиться из раны — тёплая, липкая, как расплавленный сахар. — Я сделаю тебе подарок, — сказал Митч, отходя к столу. — Я позволю тебе увидеть его. Через камеру. Через экран. Но ты будешь молчать. Ты будешь смотреть, как он ищет тебя, как он ходит по кругу, как он сходит с ума от отчаяния. И ты не сможешь крикнуть ему: «Я здесь». Он нажал кнопку на стене, и часть белой стены стала экраном. Чёрно-белое изображение — помехи, рябь, а потом — лицо. Ньют. Он стоял на краю какой-то ямы, сжимая в руках фонарик, и свет выхватывал из темноты его скулы, его глаза — красные, уставшие, но живые. Томас рванулся в ремнях с такой силой, что пластик затрещал. Стол заскрипел, ножки заскрежетали по полу, и на секунду Томасу показалось, что он вырвется — но ремни держали. — Ньют! — закричал он. — Ньют, я здесь! Экран молчал. Ньют остановился, повернул голову, как зверь, почуявший опасность, и всмотрелся в темноту. Губы его шевельнулись — Томас прочитал по ним: «Томас?» — Он слышит, — выдохнул Томас. — Он слышит меня! — Он слышит ветер, — поправил Митч, подходя сзади. — Он слышит свои галлюцинации. Он слышит надежду, которая убивает его. Он взял Томаса за подбородок, повернул к себе, и в глазах Митча Томас увидел не злость — скуку. Скуку человека, который уже видел этот фильм тысячу раз. — Ты думаешь, ты особенный, — сказал Митч почти нежно. — Но ты — просто эксперимент. Как и он. Как и все вы. И я поставлю на вас последнюю точку. Он отпустил подбородок, взял новый шприц — на этот раз с жидкостью, похожей на ртуть: тяжёлой, переливающейся, живой. — Это не сделает тебя послушным, — сказал он, вгоняя иглу в вену на шее Томаса. — Это сделает тебя честным. Ты будешь говорить правду. Всю правду. И когда Ньют войдёт в эту дверь, он услышит каждое твоё слово. Услышит, как ты называешь его спасителем. Услышит, как ты просишь его уйти. Услышит, как ты ломаешься. Жидкость растеклась по вене — холодная, как жидкий азот, и Томас почувствовал, как мысли становятся прозрачными, как стёкла, сквозь которые видно всё. — Три дня, — сказал Митч, выходя из комнаты. — У тебя три дня, чтобы научиться ненавидеть его. Или три дня, чтобы научиться любить его так, что ты умрёшь от этой любви. Дверь закрылась — с мягким шипением, как воздух из проколотых лёгких. Томас остался один, привязанный к столу, с камерой, показывающей Ньюта, который блуждал в темноте, как потерянный ангел, и с ядом в венах, который делал его честным. Он закрыл глаза и услышал не голос Ньюта — крик собственного сердца, бьющегося в ритме: «Я люблю. Я люблю. Я люблю». И это была самая страшная правда, которую он мог сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.